

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!
МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru
 [vmirefiction](#)
 [read_action](#)

Оформление серии *А. Старикова*

Редактор серии *А. Антонова*

Под редакцией *О. Рубис*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Саквояж со светлым будущим / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-110385-9

Баловню судьбы Аркадию Воздвиженскому детективы удавались легко — в меру запутанные и мрачные, с изяшно-печальным концом. Но в жизни писателя — царя и бога детективного жанра — никогда не случилось ничего подобного. И тут — на тебе, откуда ни возьмись! Да еще по всем канонам криминального чтива: с угрозами и убийством. В пекло событий попала и верная секретарша Аркадия Маша Вепренцова, чьим детям в случае неповиновения грозила жестокая расправа. А требовалось от нее и ее шефа всего-то отказаться от «гастрольной» поездки в Киев. Но как же не ехать? Ведь в программу визита была включена встреча писателя с кандидатом в президенты Украины Борисом Головка. Маша и Воздвиженский злодеев, разумеется, ослушались. Только закончилось это весьма печально. Познакомиться с Борисом Головка на даче местной поэтессы, где собрались именитые гости, им так и не привелось — того зверски убили. Двадцать семь ножевых ран! Его истерзанное тело обнаружили... в Машинной комнате...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2020

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110385-9

*Моим любимым людям,
работающим в издательстве «Эксмо»*

Билетер с Барахольщиком взяли брусок
И лопату точили совместно,
Лишь Бобер продолжал вышивать свой
цветок,
Что не очень-то было уместно,
Хоть ему Барабанщик (и Бывший судья)
Объяснил на примерах из жизни,
Как легко к вышиванию шьется статья
Об измене гербу и отчизне.

Льюис Кэрролл, «Охота на Снарка»

— Маша! Где труп?!

Молчание и отдаленное мурлыканье музыки.

— Маша! А, Маша?!

Молчание и музыка, и никаких звуков, свидетельствующих о том, что Маша услышала его призывы.

— Маша!!! Где труп, я тебя спрашиваю?!

Ну что делать? Придется теперь вставить и самому идти на поиски, а не хочется. Он оттолкнулся ногами от массивной тумбы письменного стола, кресло покатило. Сначала оно ехало по паркету и производило некоторый шум, потом въехало на ковер и покатило бесшумно, а когда колесики увязли в ворсе, и вовсе остановилось.

До двери было еще далеко. В кресле не доехать.

Он заворчал, выбрался из кресла, пошел к двери, зацепился за что-то, то ли за край ковра, то ли за ножку книжного шкафа — он всегда и за все цеплялся, потому что видел плохо, — распахнул дверь и заорал:

— Марья!

Последние звуки стихли, и тишина воцарилась в доме.

Он свесился через полированные лестничные перила и проорал в гулкую пустоту:

— Марья, дьявол!..

— Я не дьявол, — проговорили с робким достоинством у него за спиной, зря он свешивался в проем! — Я просто... не слышала. Вам что-нибудь нужно, Дмитрий Андреевич?

— Я Аркадий, — проскрежетал он, — по крайней мере, пока на работе!

Секретарша промолчала, разглядывая свою коричневую папочку. Он помолчал, разглядывая секретаршу, а потом протянул:

— Маша, а, Маша? Где труп?

— Какой именно труп вас интересует, Дмитрий Андреевич?

— Последний.

— У нас два последних.

Он в раздражении почесал за ухом, как большая блохастая собака. Впрочем, на блохастую собаку он похож, пожалуй, не был. Он был похож на ухоженного домашнего пса, искренне недоумевающего, откуда у него могут взяться блохи.

— Ну... бабы этой труп! Где он?!

Вредная Марья сделала вид, что задумалась, и замолчала. Он постоял-постоял возле нее да и ушел в кабинет.

Раз она вредничает, он тоже будет вредничать.

Не пойти за ним она не может, а в кабинете их положение моментально изменится в соответствии с табелью о рангах — он начальник, она подчиненная. В кабинете победа всегда оставалась за ним. В предвкушении этой победы он пинками подогнал кресло к столу, уселся и сложил пальцы домиком, как некий политический деятель недавнего про-

шлого, утверждавший — не без оснований! — что «Россия наш общий дом». Насчет «нас» было до конца неясно, а вот для того политического деятеля Россия — дом родной, это уж точно!

На подоконнике сидел серый дождик в мокром плаще, болтал ногами в резиновых ботах. От его болтания по подоконнику с гулким стуком рассыпались капли.

Дмитрий Андреевич молчал и смотрел на дождь.

Приоткрылась дверь на лестничную площадку, застланную турецким ковром. Он усмехнулся в сложенные пальцы.

— Труп фотомодели Русланы у вас, — сказали от двери. — У меня его нет.

— У меня тем более!

— У вас.

— У меня нет, — повторил он в медленном раздражении. — Найди мне его сейчас же.

Все дело в том, что он «неорганизованный». Если бы он был «организованный», он бы и сам знал, где у него что, и ему не нужна была бы никакая секретарша. А так, раз «неорганизованный», то и получается, что он никогда не знает, что и куда засунул.

Куда он мог засунуть труп?!

— Разрешите, я посмотрю, — вежливо попросила Маша. — Или мне со своего компьютера посмотреть?

— Нет уж, — возмутился он? — смотри с моего! И так сколько времени потеряно!

Она подошла.

Повеяло духами и еще чем-то женским и теплым, как будто ты с холодной улицы, с дождя и ветра, когда кажется, что вот-вот пойдет снег, и дальние тучи сизым краем уже легли на бурую раскисшую землю, и собака трясет ушами и смотрит жалобно и серьезно и просится обратно под крышу,

входишь в домашнее живое тепло, и внутри этого тепла горит камин, букет последних астр сияет в старинной голубой вазе с отколотым лепестком, душистый чай остывает в пузатом чайнике, и в полированной поверхности стола отражаются тонкие руки в рукавах теплого платья.

Вот так ему представлялось. Недаром он был писатель.

Маша положила свою коричневую папочку на круглый шахматный столик — он очень любил этот столик, хоть в шахматы за ним никогда не играл! — и решительно направилась к столу. Так решительно, что ему показалось, будто она засучивает рукава.

Она все делала очень решительно и необыкновенно серьезно, как участковый в кино, который то и дело повторяет суровым голосом: «Я на работе!»

Рукава она засучивать не стала, боком протиснулась к его рабочему месту. Ему почудилось, что она втянула живот.

Ну конечно.

Из чувства противоречия и отчасти затем, чтобы показать, кто в доме хозяин, он не стал вставать, лишь чуть-чуть отъехал в сторону, самую малость. Маша деликатно нагнулась, так, чтобы не поворачиваться к нему задом, уставилась в монитор и ментально распатронила все его файлы.

Он никогда не умел так обращаться с адской машиной. У него она все время «глючила» — глотала страницы, перескакивала из документа в документ, висла и не отправляла почту.

— Ну что? Нашла?!

— Нет пока. Сейчас найду.

— Говорю тебе, что у меня этого трупа нет. Труп мужика есть, а трупа бабы нет! И искать нечего.

— Одну минуточку подождите, Дмитрий Андреевич.

— Ты должна называть меня Аркадий.

— Мне не нравится.

— Какое это имеет значение! Я стал Аркадием задолго до того, как ты родилась.

— Вы себе льстите, — пробормотала непочтительная секретарша Маша. — Вот. Это тот труп, который вы искали?

— Где?

Он уставился в монитор.

Ну, конечно, он знал, что она найдет. Она всегда все находила. Но существовали определенные правила игры, которые нужно соблюдать, и они оба соблюдали их беспрекословно.

Некоторое время он читал, напоминая себе, что должен сохранять на лице недовольную мину. Это был именно тот файл, который потерялся.

Он читал. Маша стояла у него за спиной.

— Ну что, что? Долго ты будешь там торчать? — ворчливо спросил он через некоторое время. — Ну нашла, и спасибо тебе большое!.. Можешь идти.

Маша пошла к выходу и у самой двери остановилась и помедлила. Он видел, что она медлит.

— Что еще?

— Дмитрий Андреевич, нам бы еще киевскую поездку обсудить. Когда мы сможем?..

Он поднял глаза от компьютера.

— Зачем?

Секретарша смотрела, склонив голову, как сорока. Потом моргнула, тоже совершенно по-сорочьи.

— Зачем нам обсуждать киевскую поездку? — спросил он раздраженно. — Ты что, не можешь ее сама с пресс-службой обсудить? Позвони Веснику и все с ним реши. Первый раз, что ли?

— Не первый, — с тихим упрямством сказала секретарша, — мы с Ильей Юрьевичем уже все обсудили, и теперь нужно, чтобы вы сами... Чтобы вы одобрили программу.

Он пробарабанил пальцами по клавиатуре и как будто выстрелил длинную фразу.

Фраза была следующая: «Пошли вы к черту все!»

Он почитал ее сначала слева направо, а потом справа налево.

Справа налево получилось так: «есв утреч к ыв илшоп!»

Красиво получилось.

Было совершенно ясно и понятно, что никакого его одобрения не требуется. Программу давно утвердили, и меняться она не будет ни при каких обстоятельствах. Илья Весник — начальник пиар-службы издательства — славился тем, что мог «продать» любого, даже самого заваливающего автора. Дополнительно пиарщик славился тем, что из-за писательской истерии никогда не менял концепций и стратегий, а над самими «инженерами человеческих душ» смеялся и дам называл «звезда моя», а инженеров мужского пола «гений ты наш».

Таким образом, выходило, что звезда была как бы «его» личная, а гении все «наши».

Спорить бессмысленно. Есв утреч к ыв илшоп!

— И когда мы едем... одобрять программу?

— Сегодня к пяти. На пять назначено совещание. Будет пиар-отдел и отдел рекламы.

— Замечательно, — пробормотал Дмитрий Андреевич, по совместительству Аркадий. — Чудесно просто. А писать я когда буду? В самолете? Или в Киеве?! Или когда?! У меня два трупа, и вообще какого лешего!..

Маша прибрала с шахматного столика свою па-

почку, покосилась на окно, помолчала и спросила тоненьким голосом:

— Я пойду, Дмитрий Андреевич? У меня еще звонки.

— Давай, — разрешил он, — вали. И не забудь Веснику позвонить и сказать, что до Киева никаких интервью.

— До Киева осталось два дня, — проинформировала Маша. — Точнее, полтора, потому что сейчас уже половина второго. А на завтра назначено НТВ.

— Как?!

— Назначали вы сами. Помните, вы ужинали с продюсером «Новостей» и он вас приглашал?

Оттого что Маша права, а она была права почти всегда, он рассердился всерьез.

Знаменитый писатель Аркадий Воздвиженский — по паспорту Дима Родионов — пробормотал неприличное слово, которое его секретарь предпочла не услышать, уткнулся в компьютер и стал быстро печатать.

Маша постояла-постояла на пороге и тихо вышла. На темном полу лестничной площадки лежал светлый шелковый ковер, привезенный прошлым летом из Турции. Маша присела и положила на него ладонь.

Не соврал пожилой турок, продавший им ковер. У турка были пышные канибадамские усы, белоснежная рубашка, и молодые помощники, одним движением словно разливавшие на полу перед покупателями целые озера благородного шелка, называли его «эфенди». В жару ковер казался прохладным, а зимой теплым, как будто райские цветы на нем навсегда впитали южный зной.

Если бы у шефа был просто скверный характер, это еще полбеды. Ничего страшного. Подумаешь,

скверный характер!.. Мало ли характеров она перевидала на всех своих многочисленных работах! Но Маша Вепренцева в своего шефа была, разумеется, тайно влюблена, и это было так же бессмысленно и глупо, как если бы она влюбилась в Михаэля Шумахера. Или в Ральфа. Или в них обоих.

Даже если бы Маша осталась последней женщиной на земле, знаменитый писатель Аркадий Воздвиженский, по паспорту Дмитрий Андреевич Родионов, не обратил бы на нее никакого внимания. То есть, убедившись, что, кроме них, на планете больше никого нет, он выразил бы неудовольствие по поводу грядущих неудобств, которые будут отвлекать его от работы, и попросил бы Машу сварить ему кофе.

Там, где Маша трогала ковер ладонью, он будто чуть выцветал — шелковые ворсинки приминались и как-то по-другому отражали свет, турок-эфенди объяснял это тем, что с разных сторон ковер по-разному «глядит на солнце».

Если бы у шефа был просто скверный характер, она справилась бы с ним, а если бы не справилась, то ушла с работы, но она была в него влюблена и потому очень от него зависима. Уволиться означало бы отказаться от него, а она никак не могла этого сделать, хотя прекрасно понимала, что это единственный выход.

А может, его вовсе нет. «Выхода нет» — так пишут на дверях метро.

За кабинетной дверью, в двух шагах от нее зазвучали шаги, и она поспешно вскочила, заметалась и сбежала на несколько ступенек вниз по полированной английской лестнице.

Шеф эту лестницу на самом деле заказывал в туманном Альбионе и несколько месяцев ждал, когда ее доставят. Доставка из Альбиона оказалось де-

лом чрезвычайно сложным и продолжительным. Видимо, мало кому приходило в голову доставлять лестницы оттуда.

— Маня, не мечись, — приказал шеф с площадки. — Ты что? Ковер гладила?

Здрав голову, Маша посмотрела на него. Он стоял, свесившись вниз, и улыбался. Она улыбнулась в ответ.

— Ты на меня обиделась?

— Нет.

— А почему я чувствую себя виноватым?

Как все было бы просто, если бы у него был скверный характер!

— Не обижайся на меня.

Сейчас он скажет, что не любит, когда у него что-то пропадает и когда его отвлекают.

— Я терпеть не могу, когда у меня пропадают файлы и когда мне мешают работать.

— Я знаю.

— Вот и хорошо.

— Сварить вам кофе?

Он подумал, подтянулся и сделал на перилах стойку на руках. Маша ахнула. Свитер великого писателя упал вниз, обнажив живот, и джинсы тоже поехали, открывая волосатые лодыжки.

— Вы с ума сошли! Здесь высоко, вы упадете!

— Если упаду, ты меня похоронишь, — не слишком внятно, оттого что стоял вниз головой, сказал он, — ибо я убьюсь насмерть.

Потом издал некий залихватский рык, словно подтверждающий его молодецкую удаль, описал ногами дугу и приземлился на площадку. Что-то жалобно зазвенело, и финал представления оказался смазан из-за люстры, которую он задел то ли головой, то ли рукой.

— Дмитрий Андреевич, осторожней!

Люстра покачалась-покачалась, но осталась висеть, и они перевели взгляд с потолка друг на друга.

— Почему все мешают мне работать? — осведомился великий писатель брюзгливо, словно не он только что выскочил на площадку с извинениями. — Почему я не могу сесть и спокойно написать свои десять страниц?! Или двадцать страниц?! Или сорок?! Почему я принужден вести какие-то идиотские разговоры, когда я до сих пор не знаю, как мне связать один труп со вторым?! И вообще не знаю, связаны ли они?! И когда это все кончится?!

Голос звучал все тише, потому что писатель удалялся в сторону своего кабинета, и наконец смолк совсем, потому что Родионов сильно захлопнул за собой дверь.

Маша вздохнула с облегчением, постояла, прислушиваясь, и побежала вниз.

Как все было бы просто, если бы у него был скверный характер! А еще лучше, если бы он был подлец, поедаящий на завтрак беззащитных секретарш и чужих детей! Она бы тогда быстренько его разлюбила, освободилась и стала бы обычной сотрудницей, исполнительницей, проницательной, деловой, профессиональной и какой угодно.

Подлецом он решительно не был. И вообще он был хорошим начальником. Каждый раз, когда ему казалось, что она чем-то обижена, он смешно каялся, из командировок привозил ей подарки, а на Восьмое марта покупал мимозку — мечта, а не начальник!

Кроме того, думала Маша уныло, ожидая, пока закипит вода в чайнике, влюбиться в шефа — это просто классический сюжет для комедии. Или мелодрамы.

Для жизни этот сюжет не подходит вовсе. И она

понимает это лучше всех. Ну, а он ни о каких таких сюжетах даже не догадывается. И слава богу.

Зазвонил телефон, и она проворно сняла трубку. Хоть в кабинете и не слышно, но на всякий случай стоило поспешить.

— Да.

Молчание и какие-то потусторонние шорохи, вечные спутники стационарных квартирных телефонов.

— Алло! — повторила она с некоторым нажимом. Так бывало по несколько раз в день. Аркадий Воздвиженский знаменитость, и у него уйма поклонников, с которыми Маша всегда разговаривала вежливо, но непреклонно.

— Алло?

— Скажи своему писаке, чтобы сидел в Москве и не рыпался, — проговорили в трубке отчетливо. — Как-нибудь в Киеве без него разберутся, а он...

— Вы ошиблись, — быстро сказала Маша и повесила трубку.

Что за идиотизм?! Кто это может быть?!

Телефон снова зазвонил, и было совершенно ясно, кто звонит, и она решила, что ни за что не снимет трубку. Чайник на плите тоненько свистнул, приноровился и наддал в полную силу.

Маша быстро переставила его на холодную конфорку. Телефон звонил.

У Дмитрия Андреевича в кабинете ничего не слышно, она это точно знает.

Телефон надрывался.

Изоляцию делали так, чтобы звуки туда не проникали, и Маша сама проверяла — по мобильному звонила из кабинета на домашний номер.

Телефон разрывался от звона. Может, подушкой его накрыть от греха подальше?..

На лестнице загрохотало, загремело и завыло: